

ГРИГОРИЙ АГРАНОВСКИЙ
18+ ТОЙ ЖЕ МЕРОИ

Григорий Аграновский

**Той же мерой. Месть – самый
надежный вид правосудия**

«Издательские решения»

Аграновский Г.

Той же мерой. Месть – самый надежный вид правосудия /
Г. Аграновский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675780-6

Пятьсот лет назад эпитафия, выбитая на могильном камне, успешно заменила современные средства коммуникации. Но догадка о том, что лаконичная латинская надпись является условным знаком «с того света», стала только первым шагом в историческом расследовании героя с целью установить истинного убийцу римского папы Родриго Борджиа.

ISBN 978-5-00-675780-6

© Аграновский Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	16
Дневник Алфонсо Барриоса	16
Глава IV	22
Глава V	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Той же мерой Месть – самый надежный вид правосудия

Григорий Аграновский

Иллюстратор Кирилл Романовский

© Григорий Аграновский, 2025

© Кирилл Романовский, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-5780-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей жене Ирине Перелешинной

Пролог

Нож вошел в мякоть яблока, и я почувствовала себя богиней Эринией.

Интересно, – подумала я, – применял ли уже кто-нибудь этот способ, или я – первая? Раскроют ли когда-нибудь его и будут ли применять после, или Папа Родриго Борджиа останется единственной его жертвой?.. Хорошо, если бы так... Да, я знаю, что гордыня – грех, но в этот момент я была горда собой, я изобрела изощренный способ убийства и была уверена, что и через сотни лет о причинах смерти этого Папы будут спорить его биографы. А многие наверняка будут доказывать, что просто его укусил малярийный комар, которых в августе в Риме – тучи.

Так как ядом натерта только одна, правая сторона лезвия, главное – чтобы две половинки яблока не соприкасались, пока нож разрезает плод пополам. Доводя эту технику до совершенства, я натирала правую сторону лезвия сажей, и перевела, наверное, сотню яблок, пока не добилась, чтобы левая половинка фрукта оставалась абсолютно белой. Оказалось, что, разрезая яблоко правой рукой, нужно левой придерживать его сверху, большой палец – на левой половинке, остальные – на правой, и незаметно разводить половинки в разные стороны...

Бойтесь, бойтесь любящих женщин, мстящих за смерть любимых – они дьявольски изобретательны!..

Я видела условный знак, который ты, Родриго, послал мне с того света. И я поняла его. Ты тоже здорово все это придумал! Не беспокойся, любимый, уже скоро ты встретишь своего убийцу там, и сможешь сам покончить с ним. Я устрою вам эту встречу.

Лезвие дошло до поверхности стола, плод развалился на две половинки, как женская грудь, выпущенная на волю из корсета, я подбираю левую и протягиваю правую Папе.

– Превратим яблоко раздора в яблоко мира! – говорю я ему, улыбаясь.

Он смеется, довольный – уверен, что добился своего.

Мы одновременно надкусываем свои половинки. «Счастливого пути»! – мысленно желаю я Папе Борджиа. Чезаре, его «первенец» и, как уверены они оба, мой будущий супруг, стоит рядом, тоже с совершенно счастливым видом и бесит меня еще больше, чем отец. Спокойно, главное – не переставать улыбаться...

А все-таки жаль, что половинок всего две!

Глава I

Барбаросса сидел на столе и взглядом будил мою совесть.

Я потянулся в кресле.

– Зря стараешься, Барби, совести у меня нет. Это путешествие для тебя было бы скучным, но в одно из следующих я обещаю тебя взять с собой. Тем более, что ты в нем сможешь поучаствовать как мой напарник и коллега, а не просто как пассажир. Зато, теперь нам с тобой, кажется, снова будет, чем заняться.

Как это часто бывает с Барбароссой в моменты крайнего удивления или радости, он быстро раскрыл и закрыл пасть, забыв при этом мяукнуть.

Зима на этом острове примерно такая же, как в нашей «прошлой жизни», в Петербурге в последние годы – теплая и сырая. И что может быть приятнее в такую зиму, чем сидя у камина, смаковать свое недавнее путешествие в итальянское позднее средневековье? Теперь у нас с Барбароссой есть такая возможность: в купленном только что доме – в «верхнем» городе, на противоположном от маяка конце острова – есть прекрасный камин. Большой необходимости в нем нет, так как в доме есть и «нормальное» отопление, к тому же, дрова здесь – большой дефицит и очень дороги, так что, разжигаем мы его только по таким вот праздникам – праздникам души. Для «уютной беседы». Как Холмс с Ватсоном.

Камин находится в большой гостиной, на первом этаже. Здесь же имеются спальня и столовая, соединенная большим окном с кухней. А на втором этаже – совсем маленькая, метров шесть, комнатка, с окном на океан – я сразу решил, что приспособлю ее под кабинет. В ней хорошо работается летом...

– Помнишь, я рассказывал тебе, что, когда бородатый террорист в самолете волок меня по проходу, я пожалел о том, что уже не увижу маленьких средневековых итальянских городков, в которые как раз и направлялся в тот раз? «Во всяком случае, в этой жизни», – сказал я тогда. – Но теперь-то мы с тобой в другой жизни, и представь себе, здесь я—таки, осуществил ту свою мечту.

Барбаросса грустно мяукнул.

– Я обязательно возьму тебя с собой в самое ближайшее время, – повторил я. Тем более, что теперь ты действительно можешь там пригодиться и при этом, не рисковать жизнью.

Кастель-Гандольфо, Остия, Фраскати, Тиволи... Камни этих городов—спутников Рима даже не средневековые – античные. И в начале 16-го века, в котором я там оказался, многие из них уже были развалинами. Впрочем, развалины порой выглядят величественнее, чем целые здания – как часто бывает со старыми аристократами в сравнении с ними же, в молодости.

Это было настоящее пиршество – пиршество души! Еще в детстве «камни» – развалины древних городов – действовали на меня завораживающе, как живые свидетели тех событий, о которых рассказывалось в книжках, – а ничего, кроме книг по истории, я тогда не читал. Когда надо было определяться с будущей профессией, передо мной был выбор – античность или средневековье, и я выбрал медиевистику именно потому, что она «моложе», и после нее осталось больше «камней». Это уже потом, волей случая, стал специализироваться на древних рукописях.

Кастель-Гандольфо стоит на месте бывшей Альбы-лонги – «колыбели» Древнего Рима, практически, родины Ромула с Ремом. И хотя, собственно «камней», даже 500 лет назад, когда я там оказался на этот раз, там оставалось не так много, но эти руины, лежащие посреди живописной равнины, у моря, – а именно так все это выглядело тогда, – «внушают». Вернее, – внушали.

Зато, городок Остия как раз одни развалины тогда и представлял собой. Это сейчас, говорят, он стал модным курортом, а в то время был похож на деревню, посреди которой лежали развалины бывшего Капитолия, форума, театра, терм. Ходишь среди всего этого великолепия, как по всамделишному античному городу – тем более, что в нем сохранились и следы улиц, и остатки крепостной стены.

Здесь, кстати, нашлись и средневековые «камни». К которым нам с тобой, Барби, возможно, придется вернуться уже обоим. Но об этом после... Так вот, на окраине города я обнаружил замок папы Юлия II, он же «в миру» – Джулиано Делла Ровере, и к нему я еще тоже вернусь... Он – замок, не папа – неплохо сохранился на тот момент, и я получил удовольствие, бродя в одиночестве по его дворам.

Ну, и Тиволи, конечно... Просто праздник для такого любителя «камешков», как я. Этот город почему-то выбирали для своих вилл и замков многие и античные, и средневековые властители и деятели искусства, поэтому он почти весь состоит... вернее, состоял 500 лет назад из таких построек и их остатков.

Древний Тускулум, в котором строили свои виллы Цицерон, Лукулл и прочие античные римские «олигархи», был разрушен за 400 лет до того, как я в нем оказался, в самом конце 10-го века, «объединенными силами» папства, потому что правившие там тогда графы Тускуланские достигли такого могущества и влияния, что стали реально угрожать папскому государству и самому институту папства. Но уже тогда сами его развалины говорили о былом величии.

По развалинам замка этих графов можно представить себе, каким был сам замок во времена, когда могущество его владельцев достигло апогея. Располагался он на вершине холма, так что, в совокупности с окружающими пейзажами впечатление производит потрясающее.

Развалины амфитеатра, наоборот, находятся на равнине, в окружении гор и холмов, которые – словно продолжение его трибун. Дух захватывает, когда стоишь в центре этой арены!

А аббатство Гроттаферрата неподалеку от него, мне посчастливилось застать еще когда оно стояло посреди равнины, в пустынной местности, окруженной горами – и поэтому здорово выигрывало по сравнению с самим собой, современным, когда вокруг него вырос целый город – один из туристских центров.

И знаешь, Барби, что было самым очаровательным, самым ценным и самым неповторимым для меня в этих прогулках по древним руинам? Одиночество. Бродя в одиночестве среди этих камней, я вспомнил свои детские прогулки по кладбищам, которые так пугали моих родителей. Именно там находил я тишину и умиротворение, к которым всегда стремился. Ощущения были очень похожие.

А еще мне нравилось – тогда, в детстве, – бродя по кладбищу, читать эпитафии на могилах. Попадались среди них и забавные, и трогательные, и трагические. Некоторые я помню до сих пор... Но все-таки, главное, что тянуло меня на кладбище, было одиночество. Которое больше нигде в городе было недостижимо.

Сейчас, даже если предположить, что я... мы могли бы попасть туда, нам пришлось бы проталкиваться сквозь толпу туристов, главной целью которых было бы – сделать «пару фоточек» на фоне древних кирпичей.

Да, в то время путешествия были доступны только людям обеспеченным, а интересовали только людей образованных – через это «сито» просачивались единицы. Нынче путешествия доступны многим – большинству, а вот получить такие впечатления от них уже невозможно. Опять же – диалектика, единство и борьба противоположностей.

Кот, к этому моменту уже тихонько посапывавший, лежа на подоконнике, при этих словах поднял голову и вопросительно уставился на меня.

– Второй закон диалектики, – пояснил я. Рыжий не понял, но видимо, согласился – вернулся в прежнее положение.

Из Гроттаферраты во Фраскати легко добраться пешком, что я и сделал – расстояние между городками всего 3 километра. Зачем меня туда занесло – сам не знаю, курортом для папской знати, в котором она строила свои роскошные виллы, в самом начале 16-го века город еще не стал, соответственно, ни пап с кардиналами, ни их вилл там еще не было. Да и если бы были – к таким «камням» я всегда оставался равнодушным.

Побродив по улицам, которые тогда уже были такими же сонными и безлюдными, как и сейчас зимой, я оказался на местном кладбище – видимо, по старой привычке. И естественно, стал читать эпитафии на могилах... Да, с этого, собственно, и началась вся эта история...

Ни одна «надпись на камне» не удивляла меня так, как эта, на которую я случайно набрел на погосте этого римского пригорода. Кроме нее на памятнике не было ничего – ни имени, ни дат. Да и самого памятника не было – нельзя же назвать памятником слегка обтесанный большой камень, похожий на «камень на распутье», которые обычно рисуют в детских сказках. И на нем, вместо «налево пойдешь, направо пойдешь...» – «Eadem mensura». Я сразу вспомнил другую латинскую фразу из Библии, которая оказалась ключом к шифру манускрипта Камиллы Анежской, и в итоге, так круто изменила мою жизнь...

Кот в этот момент протестующе замыкал. – Извини, совсем забыл – спохватился я. – В несколько вольном виде это можно перевести, как «той же мерой». В качестве эпитафии звучит загадочно, согласись?

Барбаросса замолчал и с удовлетворенным видом улегся на столе, по-собачьи положив голову на лапы.

При кладбище, как это часто бывало в те времена, была церковь – ну, или наоборот – и чтобы получить какую-нибудь информацию об этом безымянном памятнике и таинственной надписи на нем, я направился в нее. Знаешь, рыжий, мне доводилось видеть церкви при кладбищах в той жизни, в Петербурге – обычно и те, и другие представляли из себя жалкое зрелище.

Эта церквушка, если она сохранилась до наших дней, наверняка сейчас похожа на тысячи таких же европейских сельских храмов – скромных и аккуратных. Но в самом начале 16-го века, куда я вернулся на этот раз, это был поистине храм – видимо, совсем недавно построенный. Все в нем говорило о достатке и благополучии – дорогая утварь, солидный алтарь, изящный, резной аналой... Даже ящик для свеч был словно из музея мебельного искусства. Многочисленные картины на стенах и иконы были написаны, по-видимому, не слишком известными, но хорошими художниками.

О «местечковости» говорили только небольшие размеры церкви. Такой храм, будь он только побольше и в каком-нибудь крупном городе, мог стать его заметной архитектурной достопримечательностью.

Местный священник – улыбчивый человек, с небольшой, аккуратной бородкой и в добротной, пригнанной по фигуре рясе, был похож на университетского профессора. При упоминании о памятнике со странной надписью, он понимающе улыбнулся – видно, не в первый раз его спрашивали об этом.

– Под этим камнем покоится Родриго Борджиа—младший, сын бывшего Его Святейшества, Александра VI. – И, видимо, заметив, как поползли вверх мои брови, поспешно добавил, разведя руками: – Такова была его последняя воля.

– Но почему на камне нет хотя бы имени?

– Не знаю, кто заказывал памятник и надпись – он снова развел руками. – Вам лучше обратиться к мастеру, который их делает – его мастерская тут, неподалеку.

Я пошел в указанном им направлении и быстро нашел мастерскую каменотеса, делавшего памятник и надпись на нем, и он рассказал мне, что памятник заказал сам Родриго незадолго до своей смерти. Принимал работу уже его отец, вернее, представившийся от его имени человек.

– А много ли народу было на похоронах?

– Совсем мало, человек пять или шесть всего. Даже из детей Его Святейшества не все были. Да и сами похороны были – как у «простых», у тех даже богаче бывают... Сам папа на похоронах даже всплакнул немного.

– А на могилу часто кто приходит?

– Да нет, не часто. Даже сразу после похорон мало приходило, а сейчас и подавно – только случайные прохожие – вот, как вы, например.

Я поинтересовался, не было ли среди тех, кто приходил на могилу, людей известных или просто таких, которые ему чем-то запомнились.

– Точно, были! – оживился мастер. Женщина одна приходила, плакала горько, прямо рыдала. Вот она запомнилась!

– Только потому, что рыдала?

– Нет, не только... – сказал он и неожиданно замолчал.

– Чем же еще?

– Да вот... Одежда на ней была – как на простой... Как на прислуге. Но я сразу понял, что она не из простых – из «благородных».

– Почему же вы решили, что она из «благородных», если одета была, как «простая»?

– Ну... Не знаю даже, как объяснить... Не похожа на наших женщин.

– Лицом не похожа? – не отставал я.

– И лицом, и вообще...

Также могильщик рассказал, что народ перешептывался о том, что папа сам отравил своего сына – с него мол, станется.

– Да, – поясняя я коту, – этот папа имел ту еще репутацию, причем, еще задолго до того, как стал папой.

При этом, «объективный анализ» его деятельности – как после избрания папой, так и до – не дает повода считать его таким уж злодеем. Ну да, не ангел, конечно, но тогда ангелов среди духовенства вообще не было, а на общем фоне он был далеко не худшим. Невольно начинаешь думать, что кому-то было выгодно, чтобы у Борджиа была именно такая репутация, и этот «кто-то» уже тогда знал толк в PR-технологиях...

Направляясь к выходу с кладбища, я переваривал полученную информацию, и вдруг подумал, что незаметно для самого себя уже начал расследование этой истории, которое на этот раз, никто мне не заказывал. Но мне уже было просто интересно. Что ж, будем продолжать. А значит, надо «вернуться» на Остров – настоящие герои всегда идут в обход, а настоящие сыщики всегда анализируют полученную информацию в кабинетной тиши.

Глава II

Измельчание человечества нагляднее всего проявляется на злодеях.

Нынешние выглядят жалкими, неумелыми и обезличенными копиями своих средневековых «аналогов», лишенными не только «творческого начала», но и какого бы то ни было воображения. Человечество больше не воспроизводит тамерланов, торквемад, дракул и «кровавых мэри». Но гуманистическая тенденция, которой так радуются историки, привела и к исчезновению их антиподов – Данте, Петрарка, Эразм Роттердамский, Томас Мор нынче тоже повелись. Имеем сплошное «среднее арифметическое». Как стиль «унисекс» в одежде.

Для кота Барбаросса слишком рационален, никакой лирики – только дело.

Свой рассказ про «камни» и очарование старинных итальянских городков в окрестностях Рима я заканчивал под его уютное похрапывание. Но стоило мне перейти к странному памятнику и удивительной эпитафии на нем, как кот, словно только и ждал этого, тут же вскочил и уселся на подоконнике в «позе внимания».

– Итак, определим наши цели, – говорю я ему. – Мы собираемся раскрыть смысл странной эпитафии на могиле младшего сына папы Александра VI, Родриго, а также расследовать обстоятельства его смерти и выяснить, не связано ли первое со вторым.

Знаешь, Барби, мне кажется, что те два человека из посетивших могилу, которых упомянул каменотес, на самом деле играют ключевую роль в этой истории. Поэтому и начинать нужно с них – с отца убитого, папы Александра VI и таинственной женщины, из «благородных», но пытавшейся казаться простолюдинкой, личность которой нами пока не установлена.

Кот осторожно коснулся лапой моей щеки – с недавних пор этот жест означает у него высшую степень одобрения.

– В отличие от «таинственной незнакомки», – продолжал я, уклонившись, – об Александре VI известно все или почти все. С него и начнем.

Мы оба уселись поудобнее, я в кресле, кот на подоконнике, и я начал вспоминать – то ли для него, то ли для себя – все, что знаю о Родриго Борджиа-старшем, как когда-то, в национальной библиотеке Чехии, вспоминал о Вацлаве Четвертом.

– Хотя Борджиа никогда не входил в круг моих научных интересов, но еще будучи студентом, я обратил внимание на одно странное обстоятельство, связанное с ним. А именно, если верить всему, что о нем написано, – а написано очень много – вырисовывается образ какого-то чудовища. Дьявола во плоти. Но стоит чуть-чуть погрузиться в тему – и понимаешь, что такая репутация ни на чем не основана. Попросту говоря, он был ничем не хуже других пап и кардиналов.

Печальные события, о которых у нас идет речь, происходили примерно через сто лет после той самой истории с рукописью Камиллы Анежской, с которой начались наши приключения. Но никаких перемен в католической церкви за это время не произошло. Даже гуситские войны, о которых я тебе – помнишь? – рассказывал, и которые начинались как раз, как протест против разврата и коррупции, процветавших в католической церкви, по сути, ни к чему не привели – этот институт оставался таким же развратным и коррумпированным.

Кот в этот момент многозначительно хмыкнул – то ли возмущенно, то ли иронично.

– В принципе, – продолжаю рассуждать я, – это объяснимо. Ведь в то время Италия была раздроблена и представляла из себя много отдельных государств, и то, что мы сегодня называем Ватиканом, тоже было отдельным государством, называвшимся «Папская область». Причем, занимало оно гораздо большую площадь, чем нынешний Ватикан, и Рим был его столицей. То есть, римский папа был в нем главой и духовной, и светской власти. Что было очень удобно –

ведь обычно две эти «ветви власти» конкурировали между собой, а то и вовсе враждовали. А тут – «два в одном».

Поэтому папам тогда приходилось больше думать о мирских делах и о политике, и Родриго Борджиа не был исключением. Ну, а политика, сам знаешь, дело грязное. И, все-таки, несмотря на то что все они занимались общим «грязным» делом, репутация этого папы была – и остается до сих пор – самой грязной... Впрочем, об этом я тебе уже говорил. Но на чем была основана такая репутация?..

Его называли «аптекарем сатаны» – за то, что он, якобы, отравлял своих политических противников. Надо признать, яды действительно широко применялись, как один из «политических инструментов» в то время. Впрочем, и сейчас еще... Но слухи—слухами, а ни одного случая отравления Александром VI кого бы то ни было, не было доказано – ни тогда, ни теперь.

Дальше. Этого папу обвиняли – и обвиняют – в коррупции, которую он применял в огромных масштабах. И – таки да, такие факты действительно были в его биографии, и они доказаны. Но, опять-таки, коррупция была в то время, можно сказать, образом жизни католической церкви.

Если мы посмотрим на конклавы – это такие междусобойчики кардиналов, которые собираются, чтобы выбрать нового папу, когда прежний умирает – тех лет, то уверяю тебя, Барби, даже микроскопа не надо будет, чтобы обнаружить во всех них коррупцию – она будет видна невооруженным глазом, потому что была, как говорят судьи, «в особо крупных размерах».

Например, Борджиа—старшего обвиняли в том, что на конклаве 1492 года, после смерти предыдущего папы, Иннокентия VIII, он не имел никаких шансов на избрание, но «купил» главного претендента на победу, Асканио Сфорца, и тот отдал ему свои голоса. Джулиано Делла Ровере, сам претендовавший тогда на избрание, потом даже призывал пересмотреть итоги голосования и «отстранить Борджиа от власти». Объявить, так сказать, импичмент папе. Это у него не получилось – Александр VI не хуже него владел приемами закулисной борьбы.

Опять же, доподлинно не известно, был ли подкуп на самом деле. Некоторые авторы потом писали о якобы четырех мулах, груженных серебром, которых после конклава видели у дома Сфорца. Ну, как всегда, в подобных случаях – кто-то, что-то, где-то видел. И хотя, такие вещи, как коррупция, конечно, трудно доказать, но аргумент о мулах с серебром лично мне кажется просто смехотворным. Тогда, конечно, еще не существовало безналичных платежей и банковских счетов, но и без них было много способов, как проверить подобные сделки не на виду у всего города...

Что интересно, документы этого конклава, как, впрочем, и большинства других, сохранились. Согласно им, с самого начала, с первого голосования, определились два фаворита – Родриго Борджиа и Джулиано Делла Ровере. Заметь, Барби, Асканио Сфорца среди фаворитов не было. Так что, если подкуп, о котором говорили, и имел место (а судя по документам, в которых зафиксирована последовавшая вслед за избранием Борджиа щедрая раздача им земель и приходов голосовавшим за него кардиналам, действительно имел), Сфорца от него выиграл больше, чем Борджиа – ему все равно, ничего «не светило», а значит, нечего было терять.

Но стоит взглянуть на выборы самого Ровере, ставшего папой Юлием II через 11 лет... За него проголосовало 37 кардиналов из 38-ми – единственный голос «против» был подан его конкурентом, другим кандидатом. Как тогда шутили – на всякий случай, купил всех.

Ну, про любовниц и множество детей от них и говорить нечего – да, этот папаша был весьма любвеобильным, возможно, больше, чем остальные, но тут как нельзя к месту будет цитата из библейской притчи – «а кто без греха?». У Родриго Борджиа было столько детей, что его биографы сбиваются со счета. По крайней мере, не меньше десяти. Но и отцовские чувства были ему не чужды – всех пристраивал. В этом, кстати, его тоже обвиняли, но и протекционизм, или как тогда это называли, непотизм, тоже был общим местом среди высшего духовенства.

А вот такие административные способности, как у него, были далеко не у всех. При нем как, пожалуй, ни при каком другом папе, в Риме развивалось строительство гражданских зданий – и не только его дворцов. Он был не чужд чувства прекрасного, привлекал художников, занимался меценатством. А еще, был искусным и тонким политиком, умел договариваться с соседями, находить союзников, плести интриги – ну, а куда ж без этого в политике?..

– Итак, пододвину бабки, – начал я закругляться, заметив, что Барбаросса уже задремал на подоконнике. Папа Александр VI имел наихудшую репутацию среди всех своих коллег. Возможно, худшую за всю историю папства. Наверняка после смерти он попал в ад. Но я уверен, что, когда черти, вершащие тамошний, адский суд, стали разбирать его дело, они очень удивились – настолько эта репутация не соответствовала реальности.

– Да, Барби, – подтвердил я, воодушевленный его вниманием, – он был далеко не самым худшим понтификом – я уже не говорю о разных анти-папах, папах с бандитским прошлым и «папессе», то есть, папе-женщине, которая выдавала себя за мужчину. Все они тоже встречались в веселой истории Ватикана.

Кстати, о его смерти. Ее обстоятельства тоже довольно загадочны – папа умер, заболев какой-то странной болезнью, через две недели после пира у одного знатного римского вельможи. Мнения ученых насчет причин смерти расходятся, одни говорят, что это была малярия – в те времена она была распространена не меньше, чем чума, другие утверждают, что он был отравлен на том пиру. Его старший сын, Чезаре, тоже присутствовавший на вечеринке, заболел одновременно с ним, но выжил...

Как ты думаешь, Барби, не связана ли вся эта история с загадочной эпитафией на могиле сына папы Александра VI со смертью самого папы?

Тут кот окончательно проснулся, перешел из положения «лежа» в положение «сидя» и снова быстро открыл и закрыл рот, забыв мяукнуть.

– Во всяком случае, будем иметь это в виду, говоря о целях нашего расследования. Но вернемся к репутации папы, – продолжил я. Я думаю, такую репутацию кто-то ему создал. – На этот раз кот, открыв пасть, забыл не только мяукнуть, но и закрыть ее. – Ведь что такое репутация? По сути, это слухи. Народная молва. Но народная молва только распространяется народом, запускается она в народ, как правило, конкретным человеком или группой людей, имеющих определенную цель. Так что, похоже, наша с тобой задача – найти этого человека или группу людей и определить его – или их – цель.

Барбаросса протянул длинное, задумчивое «мяу».

– А что насчет надписи? – спрашиваю я. – У тебя есть какая-нибудь версия, что она означала? – я открыл на ноутбуке окно Ворда, делая вид, что собираюсь записывать, и выжидательно посмотрел на кота.

Барбаросса, недовольно проворчав что-то, шагнул с подоконника, на котором сидел все это время, на письменный стол, прошелся прямо по клавиатуре ноутбука, и спрыгнув на пол, с презрительным видом удалился. В вордовском документе осталась строчка – с десятков символов, набранных в случайном порядке, вроде сгенерированного пароля.

– Ну что ж, – в отсутствие кота рассуждаю я сам с собой, – как одну из версий, это, пожалуй, можно принять. Допустим, эта фраза – какой-то условный знак, вроде пароля, с помощью которого он что-то, кому-то хотел передать.

Женщина, плакавшая на могиле, – вот, пожалуй, ключевая деталь из всего, что я узнал про эту историю – думаю я. И фраза на камне, скорее всего, была адресована именно ей. Но если это так, то почему он – или они – выбрали такой странный способ передачи информации?.. – В отсутствие Барбароссы мне приходится вести диалог с самим собой. Очевидно, – пытаюсь я придерживаться законов формальной логики, – потому что другие, более традиционные способы, для них были невозможны. Видимо, таковы были обстоятельства.

Александр Дюма – а он знал в этом толк – сказал: «Cherchez la femme» и попал в точку – теперь эту фразу повторяет весь мир.

– Что ж, будем и мы искать женщину, – говорю я вернувшемуся в комнату Барбароссе.

О Родриго Борджиа-младшем информации сохранилось совсем не много – не то, что о Чезаре, Лукреции или других детях папы. Никаких должностей он не занимал, ни в каких интригах политических не участвовал, одно слово – поэт. Отщепенец.

Я сижу в своем кабинете, под самой крышей, смотрю на океан за окном – седой и сердитый сейчас, зимой, но все равно – величественный, и пытаюсь применять дедуктивный метод Шерлока Холмса.

Здесь, на втором этаже, отопление хуже, чем внизу и в комнате довольно прохладно. По моему предложению кот прыгает ко мне на колени, чтобы мы согревали друг друга. Каждую мою гипотезу Барбаросса сопровождает неопределенными «хмыками» разной тональности. Чем выше тональность – тем меньше согласия с гипотезой – догадываюсь я.

– Я думаю, коллега, – обращаюсь я к нему, – то, что Родриго Борджиа-младший заказал памятник на собственную могилу, могло означать только одно: он знал о своей скорой смерти. – Кот снова хмыкнул, на этот раз – в тональности ноты «до» нижней октавы. – При чем, – продолжал я, – знал наверняка. Если бы речь шла только о предположении или опасении, он и заказ свой сопроводил бы соответствующими условиями: «если.., то...». И каменотес наверняка не забыл бы сказать мне об этом.

Кот снова потянулся лапой к моей щеке.

– Человек, зная о своей близкой смерти, заказывает памятник на собственную могилу, – начинаю я рассуждать вслух, обращаясь к Барбароссе. – Человеку было 23 года и, как и все в семье Борджиа, он отличался отменным здоровьем. От чего же он мог умереть, и откуда он мог знать о том, что умирает?

Барбаросса в этот момент сладко, продолжительно зевает, что видимо, должно означать, что такую простую задачку даже такой «ботаник», как я, способен решить без его помощи.

– Например, он мог быть отравлен и знать об этом, – продолжаю я, проигнорировав его иронию, или собирался покончить жизнь самоубийством. Причем, «например» я сказал только на всякий случай, из профессиональной осторожности ученого. На самом деле, я считаю, что вероятность этой версии процентов девяносто пять – пять процентов оставим разным «черным лебедям».

Кот снова издает «хмык» низкой тональности – соглашается.

– Идем дальше, – говорю я. – Текст этой эпитафии – будем пока придерживаться твоей версии – является условным знаком, адресованным кому-то. Видимо, той самой нашей перекрестной незнакомке. Что же в данной ситуации могла означать фраза: «Той же мерой»?

Кот снова зевает – мол, тоже мне, бином Ньютона!

– Конечно, Барби, – соглашаюсь я, – скорее всего, это призыв к мести! А если это так, то мы можем уже утверждать, что даже в случае самоубийства, умер он не по собственной воле – не зря ведь в юриспруденции существует понятие «доведение до самоубийства». Как ты думаешь, что еще можно сказать про эту женщину?

Барбаросса издает длинное, растерянное «мя-а-у». Впервые мой вопрос поставил его в тупик. Я иду ему на помощь:

– Допустим, на месте этой женщины был бы я, скромный ученый. Мог ли бы этот условный призыв к мести быть обращен ко мне, даже если бы я был близким другом несчастного Родриго? Не расстраивайся, – говорю я, – детектив тоже человек, даже если он кот и имеет право на неудачу. Зато, в тандеме наша эффективность близка к ста процентам, мы идеально дополняем друг друга. Да, Барби, сына папы римского не мог отравить какой-нибудь пекарь или повар – разве что, по приказу «очень большого человека». Кардинала – не меньше. А зна-

чит, и отомстить за него имел возможность только человек при власти. Или – от власти. Так что, круг нашего поиска сильно сужается...

Простая мысль настигла меня внезапно, как скорбное известие, и заставила прервать монолог буквально на полуслове. Я вдруг осознал, что отправился на Остров практически с пустыми руками, взяв с собой только самое дорогое, что у меня было – Барбароссу. Я просто не подумал тогда, что еще мне может понадобиться тут – ведь отправляясь в Рай, люди не берут с собой багаж. Предполагается, как бы по умолчанию, что все необходимое там уже есть. Как пишут в своей рекламе турфирмы – «все включено». И в этом смысле Город Рыжих Котов действительно мало чем отличается от Рая, тут действительно все есть. Как сказал смотритель маяка – «вся инфраструктура на месте».

Но при исторических расследованиях никакая инфраструктура не избавляет от необходимости периодически посещать архивы. Потому что получить необходимую информацию больше неоткуда. А значит, придется снова отправляться в тот, прежний мир – надеюсь его еще не успели превратить в пепелище...

– Я должен найти женщину, Барби, – говорю я коту. – Ту самую, одетую простолюдинкой, но похожую на благородную, о которой говорил кладбищенский каменотес во Фраскати. Кстати, в то время благородной женщине одеться простолюдинкой, было, во-первых, униЗИтельно для нее самой, а во-вторых, опасно. Можешь представить себе, на какую жертву пришлось ей пойти. Поэтому я уверен, что это именно ей была адресована надпись на могиле Родриго Борджиа-младшего.

– Нет, не в этот раз, – отвечаю я на полный надежды и мольбы взгляд кота. Это архив, тебе там нечего делать, да и не пустят меня в него с тобой...

Я вытаскиваю из коробки с кошачьими игрушками резиновый мячик и бросаю Барбароссе, чтобы он не скучал в мое «отсутствие». Я уже знаю, куда отправлюсь на этот раз. В святая святых.

Глава III

Дневник Алфонсо Барриоса

Не знаю, и не мне судить, зачем человеческая жизнь устроена так, что никому из нас не ведомо, как он закончит свои дни. Возможно, затем, чтобы мы сами никогда не забывали об этом. Но тогда почему понимаем мы это только в старости?

Если бы знал я 30 лет назад, как придется мне заканчивать свою жизнь и какую цену платить за те поступки, которые тогда казались мне не только праведными, но и великими...

Моя жизнь начиналась, как праздник. Мой отец, кастильский рыцарь, магистр ордена Калатравы, во время междоусобной борьбы за трон между Изабеллой Кастильской и Хуаной Бельтранехой, встал на сторону Изабеллы и воевал под ее флагом, за что был впоследствии отмечен ею и приближен ко двору. Благодаря этому я в восемнадцатилетнем возрасте был определен на службу в свиту герцога Медины-Сидонии Энрике Переса де Гусмана и под его началом участвовал в битвах с маврами и осаде Гранады. В то время моя отвага граничила с безрассудством, но уравновешивалась сообразительностью, точным глазомером и расчетом, а также ловкостью владения оружием, благодаря чему я быстро завоевал доверие герцога и был выделен им из числа других рыцарей.

Но ни карьера воина, ни придворная карьера не привлекали меня. С тех пор, как я научился осознавать себя и свои желания, я был убежден, что должен прожить яркую жизнь, полную приключений и опасностей, хотя о характере этих приключений имел самые неопределенные представления.

Видимо, Всемогуший услышал меня и вскоре архиепископ Гульермо Родригес де Фонсеро, один из самых влиятельных людей в государстве, ведавший всеми экспедициями в новые земли, обратился к моему отцу, предложив ему включить меня в состав экспедиции Христофора Колумба, готовившемуся тогда к своему второму плаванию в Индию. Отец передал мне его предложение, но сам пытался отговорить меня от принятия его. Он желал для меня военной карьеры, рассчитывая, что со временем я стану столь же славным воином и полководцем, как Родриго Понсе де Леон или Педро Фернандес де Веласко...

Но я уже слышал хлопанье вздуваемых ветром парусов у себя над головой и чувствовал соленые брызги волн на лице!

Мой энтузиазм еще больше усилился после личной встречи с архиепископом Фонсеро, в продолжении которой он всячески превозносил мою доблесть, проявленную в недавних сражениях с маврами, а в завершении пообещал, что, в случае моего согласия, я стану капитаном одного из кораблей экспедиции...

Сомнения не свойственны молодости. В тот момент воодушевление и восторг переполняли меня, и простая мысль о том, что я никогда не командовал кораблем и вообще до той поры не имел отношения к морскому делу, не пришла в мою голову и не вызвала удивления. Наоборот – тщеславие и желание оправдать доверие архиепископа, оказанное мне, вызвали его слова, произнесенные в конце нашей встречи:

– Буду с тобой откровенным, мой мальчик! Адмирал Колумб – обманщик, жульничеством сумевший завоевать доверие наших монархов. Его первая экспедиция не принесла никаких результатов, но он сумел убедить их величества в необходимости совершить еще одну. А затем, я уверен, будут и следующие, такие же безрезультатные...

Дон Фонсеро пристально посмотрел мне в глаза, и я не отвел взгляд.

– Ты должен положить конец этому! – сказал он, и добавил: – Мы с тобой... По возвращении Колумба всем должно быть ясно, что он жулик. Что он – не тот человек, который спо-

собен принести богатство и славу Испании. – Он снова пристально посмотрел на меня. – Ты понял, мой мальчик? Всем!

Горло мое словно сдавило обручем от бочки, и я произнес сдавленно:

– Да, дон Фонсеро.

– Дон де Фонсеро! – строго поправил меня архиепископ.

Лишь много позже, постепенно я стал понимать, что мой тогдашний покровитель действовал в своих интересах, а я лишь являлся орудием в его руках.

Все меньше сил остается в моем дряхлеющем теле, душа устала и уже просит покоя, и все явственнее чувствую я приближение конца своей жизни, но кажется, что память в это же время движется в обратном направлении и не только сохраняет юношескую свежесть, но со временем становится еще более цепкой.

По-прежнему помню я имена многих спутников, сопровождавших меня в путешествиях, помню сопутствующие им подробности, и даже даты...

Мы вышли из Кадиса 27 сентября 1493 года. Адмирал взял курс чуть южнее, чем во время первой своей экспедиции и сопровождаемые попутным западным ветром, ровно через два месяца, 27 ноября мы высадились на северном берегу острова Эспаньола, у форта Ла Навидад, заложенном Колумбом год назад, во время первого своего плавания.

Страшное зрелище открылось перед нами, когда мы сошли на берег! Форт был полностью сожжен индейцами, от построек остались лишь черные следы пожарищ, между которыми лежали на земле разложившиеся трупы участников первой экспедиции, оставленных здесь Адмиралом. У некоторых отсутствовали руки и ноги – они неожиданно обнаруживались отдельно от бывших владельцев, в других местах, тоже обгоревшие и частью обглоданные...

На фоне буйной природы, растительности ядовито-ярких цветов, бликующей на солнце океанской глади и ярко-голубого, без единого облачка неба, эта картина выглядела особенно дико и страшно!

Колумб незамедлительно приступил к постройке нового форта – Ла-Изабелла, примерно в одной лиге восточнее прежнего, а мне приказал, взяв с собой пятьдесят человек, обследовать остров с целью, во-первых, найти уцелевших членов первой экспедиции, которые, как он предполагал, могли спастись, а во-вторых, выяснить, насколько богата эта земля золотом и жемчугом, что, собственно, и было главной целью плавания. В начале января 1494 года, закончив все приготовления, мой отряд двинулся вглубь Эспаньолы.

Уже на второй день мы пленили двух индейцев, неосторожно оказавшихся на нашем пути. С помощью нашего переводчика удалось узнать, что они – жители соседней деревни, а сама деревня расположена в провинции Сибао, которой правит вождь по имени Каонабо. По словам индейцев, в их деревне содержались одиннадцать «белых людей», захваченных ими, как мы поняли, как раз во время нападения на форт Ла Навидад. Еще четверо находились неподалеку, как говорили карибы, «в большом вигваме Каонабо» – и были слугами вождя.

Подданные королевы Изабеллы – личные слуги, по сути – рабы вождя дикарей! Думаю, что спутники мои при этих словах испытали те же чувства, что и я. Получив от наших пленников сведения о численности их соплеменников в этой деревне и в «большом вигваме», где находился их вождь, мы решили вернуть свободу соотечественникам.

На стороне карибов была их численность – в деревне находилось около ста пятидесяти мужчин, способных оказать сопротивление. На нашей стороне – внезапность и техническое превосходство. Застигнутые врасплох дикари, оказавшиеся при нашем появлении безоружными, бросились бежать после первых же ружейных залпов. Их пленники, едва услышав испанскую речь, радостно выбежали из своего заточения, и наш отряд увеличился на одиннадцать человек.

Я понимал, что бежавшие дикари сообщат своему вождю о нашем приближении, и тогда фактора внезапности у нас больше не будет. По словам освобожденных испанцев, которые

стали нашими проводниками, до «большого вигвама» было не более полулиги и нам следовало поторопиться, чтобы освободить остальных четырех пленников, и не дать вождю карибов времени собрать более многочисленное войско.

Однако, в то же время, необходимо было соблюдать осторожность, чтобы не попасть под отравленные стрелы и копья поджидавших нас в засаде индейцев. Всю дорогу до неприятельского лагеря я думал о том, как выполнить оба этих условия...

Подъезжая к «большому вигваму», я спешил и приказал сделать то же самое пяти своим спутникам и переводчику, остальным же велел ожидать нас здесь и быть готовыми прийти нам на помощь в любой момент. Захватив с собой то, что было необходимо для осуществления моего плана, мы пешком направились в лагерь вождя карибов. На подходе к нему, переводчик закричал: «Мы идем к вам с миром, не стреляйте!».

Несколько нетерпеливых стрел все же прилетели в нашу сторону, одна из них вонзилась в дерево рядом со мной. Я запретил своим спутникам отвечать ружейным огнем, а переводчик снова закричал, что мы идем с миром. После этого все затихло, Каонабо, видимо, тоже приказал своим не стрелять.

Наконец, мы вышли на большую поляну, окруженную лесом, на дальнем конце которой стоял действительно большой вигвам высотой, пожалуй, в два человеческих роста – тот, который и дал название всему лагерю. Справа и слева от него находились несколько таких же построек, но гораздо меньшего размера – по-видимому, хозяйственного назначения. Каонабо, окруженный многочисленной, почти голой, но пестро разрисованной «свитой», встречал нас на пороге своего «дворца».

Его внешность соответствовала его статусу. Ростом он был на голову выше самого высокого из окружавших его индейцев, плотного сложения, с грубым, словно вырубленным топором из полена, лицом (впрочем, лицами все карибы похожи друг на друга). Во всем его облике чувствовалась огромная физическая сила.

Подняв правую ладонь – жест, который, как я уже знал, у дикарей означал демонстрацию мирных намерений, я подошел к вождю.

– Мы пришли к тебе с миром, Каонабо! Мы несем тебе послание мира от наших монархов, Фердинанда и Изабеллы. И в знак признания твоей власти на острове, они прислали подарок тебе – символ королевской власти. – Матрос, стоявший позади меня, передал мне приготовленные медные, начищенные до «золотого» блеска, кандалы и наручники с цепями, при виде которых у Каонабо и его «свиты» загорелись глаза.

– Это – золотые доспехи, символ королевской власти, сказал я. – Позволь, я надену их на тебя. – Жестом я показал ему, что нужно сделать, и он послушно протянул вперед обе руки. Я быстро застегнул на них наручники, а затем таким же образом облачил вождя в кандалы. Его приближенные с восхищением глядели на эту процедуру – никто из них до последнего момента не понимал, что происходит.

Наконец, все было готово. Я жестом пригласил Каонабо подойти к повозке и забраться в нее, и как только мы отошли, мои спутники завершили «торжественный ритуал» одним ружейным залпом. Вслед за этим, остававшимся в живых и корчившимся на земле индейцам была оказана последняя милость – им не позволили долго страдать.

Каонабо, с громким воплем, несмотря на свои «королевские доспехи», прыгнул с повозки и попытался броситься на меня, но упершись в наставленный на него ствол ружья, отпрянул, задрал голову, закричал от отчаяния, словно раненый зверь и бессильно опустился на землю...

Тем временем, как и в предыдущей деревне, услышав ружейную стрельбу и испанскую речь, из большого вигвама выбежали пленники, наши соотечественники, и увеличили численность моего отряда до шестидесяти пяти человек.

Каонабо, по-прежнему сидел на земле, как подстреленный зверь, безвольно свесив голову и словно отрешившись от всего, происходящего вокруг него. Нам предстояло двигаться дальше вглубь острова в поисках золота и жемчуга, которые, как я был уверен, были на нем в изобилии, но плененный вождь индейцев, возьми мы его с собой, представлял бы для отряда не только обузу, но и опасность. Да и запасы продуктов и воды, при увеличившейся численности отряда, могли серьезно ограничивать наши возможности. Поэтому, пользуясь тем обстоятельством, что мы еще не далеко ушли от лагеря, я решил отправить пленника с конвоем из освобожденных нами испанцев к Колумбу, а самим продолжать двигаться на юго-восток, вдоль реки Якедель-Норте.

Не буду описывать все тяготы, выпавшие нам на пути. В феврале мы вернулись в Ла-Изабеллу с хорошими новостями – у истока реки, примерно в сорока лигах от нашего форта, мы нашли то, что искали – золото.

Адмирал в это время страдал от жестокого приступа лихорадки, но, несмотря на это, начал немедленно готовиться лично отправиться на место найденного месторождения. Для него не было информации важнее этой, он должен был привезти золото – только оно могло оправдать перед королевской четой и цель всех его экспедиций, и то унижение, которое пришлось ему пережить, убеждая Изабеллу и Фердинанда в выгоде для короны этого путешествия. Умолчу уже, что от успеха или провала экспедиции зависела и его собственная судьба. Отправляясь к месторождению, адмирал оставил меня во главе гарнизона форта...

И сейчас, по прошествии стольких лет, я знаю о причинах той ненависти, которую Адмирал Колумб вызывал у архиепископа Фонсеро, не больше, чем тогда. Быть может, история их отношений тянулась издалека, и мне неведома. В то время я пользовался покровительством архиепископа и не раз только благодаря ему избегал последствий своих юношеских глупостей, а то и преступлений, за которые другой, оказавшийся на моем месте, мог бы закончить свои дни не в монастыре, а за решеткой. Поэтому у меня не было необходимости и желания размышлять о причинах его ненависти к Адмиралу.

Теперь же, когда настала для меня пора «собирать камни», жажда приключений не тревожит больше воображение и есть время для того, чтобы оглянуться назад и с высоты этих лет посмотреть на все случившееся со мной, я, независимо от конкретной причины, ясно вижу истоки этой ненависти. Потому что не раз еще в последующие годы наблюдал, как для людей, обладавших деньгами и властью, были невыносимы те, кто не имел ничего, кроме мечты и высокой идеи.

Распираемый гордостью от доверия архиепископа, бывшего первым человеком в Испании после Фердинанда и Изабеллы, я начал действовать немедленно после отбытия Колумба.

Гарнизон, оставшийся под моим командованием, представлял из себя сборище уголовников, освобожденных архиепископом Фонсеро из тюрем в обмен на согласие отправиться в долгое и опасное путешествие на открытие новых земель. Единственное, что заставляло этих людей подчиняться приказам и соблюдать хоть какую-то организацию, было то, что им приходилось думать о собственной безопасности – картина, которую мы застали, высадившись у форта Ла Навидад, была еще слишком свежа в памяти у всех.

Впрочем, единственное, что отличало меня от этих людей, было то, что я не сидел в тюрьме и отправился в экспедицию не в обмен на свободу, а в поиске славы и приключений. Видимо, они чувствовали во мне родственную душу, поэтому мы быстро нашли общий язык. К моменту возвращения Колумба наш план был готов.

Я видел, как горели глаза у моих сообщников при виде добычи, привезенной Адмиралом. Даже мне, кастильскому рыцарю, никогда не приходилось видеть столько золота сразу, и я легко представил себе впечатление, которое могла произвести эта картина на людей, для которых золото было смыслом существования. Ведь именно из-за золота все они оказались

в тюрьме, потому что целью любого преступления все равно, является золото и то, что можно за него получить.

Этим людям было не сложно осуществить наш план, ведь от них требовалось всего лишь то, что они привыкли делать и раньше – грабить. Забрать привезенное Колумбом золото, погрузить его на один из кораблей и отплыть, растворившись в тумане, которые в это время года стояли там постоянно. Несколько небольших слитков, оброненных грабителями во время погрузки – вот и все, что осталось у Адмирала, чтобы оправдать цель своего путешествия перед королевской четой. Я «благословил» их на это преступление, но сам остался с Адмиралом и никак не обозначил перед ним и его оставшимися на берегу спутниками, свое участие в нем. Мое личное столкновение с Колумбом было еще впереди, а тогда я старательно поддерживал общее настроение растерянности и бессилия, установившееся среди его спутников.

Совесть не мучила меня, ведь Колумб – мошенник, так сказал дон де Фонсеро, а значит, так оно и есть. И если так, то разоблачить и наказать мошенника – благородное дело, и оно было возложено на меня, и я выполнил его. Я был уверен, что теперь меня ждут великие дела и великие открытия. Будущее рисовалось мне безоблачным, как небо над Эспаньолой.

И как знать, может быть еще и сейчас на малюсеньком островке, одном из тех, которые мы открыли по пути в Индию, и которые были названы Адмиралом островами одиннадцати тысяч девственниц, процветает «республика пиратов», основанная с моей тайной помощью и с моего тайного благословения двадцать лет назад...

Глава IV

Да святится имя твое, Папа Лев XIII, открывший когда-то свободный доступ в Ватиканский апостольский архив. И да будут благословенны все последующие папы, «забывшие» его закрыть!

Но сегодня для получения допуска в архив требуется предоставлять множество документов, большинство из которых я, в своем нынешнем положении, не смог бы получить. Пришлось действовать на удачу – я предположил, что в начале XX века, скажем, в 1913-м, нравы были намного мягче, а требования – ниже. И не ошибся. Все, что от меня потребовалось, это заполнить короткую анкету, вроде той, что сейчас заполняются туристами при заселении в гостиницу.

Однажды, еще в «той жизни», мне доводилось бывать в этом архиве. Помню, тогда меня больше всего удивил его абсолютно светски выглядевшие интерьеры. Богатая мебель, расписанные потолки, скульптуры, картины – и почти никаких предметов культа, которые указывали бы на профиль учреждения. Впечатление, что попал в один из богатейших музеев мира, а не в главный архив католической церкви.

В начале прошлого века здесь, как и можно было ожидать, все было намного проще – «и труба пониже, и дым пожиже». Именно поэтому архив и был больше похож на научное учреждение, а не на храм искусства.

Впрочем, одно отличие от музея или публичной библиотеки вскоре все-таки, обнаружилось. Весь обслуживающий персонал здесь – священнослужители, а значит, мужчины. Один из них, пожилой священник взял у меня заявку, бегло просмотрел ее, и кивнув на стопку бумажных листов, лежащих перед ним на стойке, сказал:

– Можете взять один лист бумаги, ручки и чернила находятся на столах. Садитесь, документы вам принесут.

«Я должен найти женщину!» – сказал я Барбароссе. Задача казалась мне совершенно конкретной. И только оказавшись в архиве и уже начав заполнять анкету, я вдруг задумался – а как? Как найти женщину, о которой я знаю только то, что она «из благородных», но на могиле своего предполагаемого возлюбленного была одета «по—простому»? Кого конкретно мне указывать в заявке?

Помучившись над решением этой задачи минут десять, я, в конце концов, решил, что мне нужен Джулиано Делла Ровере, злейший враг Александра VI, ставший римским папой почти следом за ним. Он пока является моей единственной зацепкой в этом деле. И раз уж речь у нас идет – опять-таки, предположительно – о мести, то месть эта должна была быть направлена именно на него, а значит, в его «досье» дама эта должна присутствовать или хотя бы где-то мелькнуть.

Итак, Ровере: биография, карьера, друзья, недруги, дипломатическая деятельность... В общем – «пароли, явки, адреса», как говорят сыщики в детективах.

«Злейший враг Александра VI» – это еще мягко сказано, ибо его цитата, приведенная во всех документах и учебниках, а именно: *«Я не буду жить в тех же комнатах, где он [Александр VI] осквернил Святую Церковь, как никто до него узурпировавший папскую власть за счет помощи дьявола... Я запрещаю под страхом отлучения от церкви говорить или думать о Борджиа снова. Его имя и память должны быть забыты. Он должен быть вычеркнут из каждого документа. Его правление должно быть уничтожено. Все портреты Борджиа должны быть покрыты чёрным крепом, все гробницы Борджиа должны быть вскрыты, а их тела отправлены обратно туда, откуда они пришли – в Испанию»* – говорит о патологической, трансцендентной ненависти. Я должен понять ее истоки – интуиция подсказывает мне, что

именно здесь надо искать ключ к причинам смерти Родриго Борджиа-младшего, а возможно, и старшего тоже. Во всяком случае, один из ключей.

Главное – это переписка. Опыт архивных поисков доказывает, что именно в письмах находятся и новые загадки, и их отгадки. Забегая вперед, скажу, что опыт не подвел меня и на этот раз.

Увидев огромную стопку папок и книг, которую молодой священник, придерживая подбородком, нес к моему столу, я подумал было, что быстро найду в этом изобилии все, что меня интересует. Но впечатление оказалось обманчивым. В основном, это были канцелярские документы, «текучка» – основное, чем занимается любой чиновник, в том числе, и церковный. И с каждой такой никчемной бумажкой, отложенной в сторону из общей стопки, я все больше убеждался, что застряну здесь надолго – успеть бы до конца дня.

После двух часов терпеливого перекладывания бумаг из одной стопки в другую, листочек, выданный мне «приемщиком», все еще оставался чистым. Но наконец – повезло. Очередной документ оказался для меня тем самым, «письмом счастья». Некий, не называвший себя, но судя по всему, известный Делла Ровере корреспондент, сообщал будущему папе римскому о свидании «поэта» с «интересующей вас дамой», состоявшемся «третьего дня, вечером, в тайной комнате дамы, в которую его величество доступа не имеет».

«Ай, да Эдвард, ай, да сукин сын!», – самодовольно подумал я. Письмо было столь же странным, сколь и «прозрачным». Странность в нем, собственно, была только одна – то, каким образом оно попало в архив, почему не было уничтожено сразу же после прочтения кардиналом Джулиано Делла Ровере. Но видимо, методы конспирации в то время еще не были разработаны так подробно и тщательно, как нынче. Отвлекаясь на что-то, сунул листок в книгу, в шкаф или в ящик стола – да и забыл про него. А скрупулезные архивариусы потом нашли – и «подшили к делу».

Зато само содержание письма представляло очень ценную для нас с Барбароссой информацию. Его автор не слишком старательно «зашифровывал» текст, явно не думая о том, что через пятьсот с лишним лет оно попадет на глаза скромному ученому, интересующемуся как раз этой историей. Поэтому из двух действующих лиц, о которых в нем идет речь, одно «расшифровывалось» сразу же. То, что Родриго Борджиа был поэтом, являлось чуть ли не единственным известным фактом его биографии. Ну, кроме странной смерти, конечно. Что же касается дамы, с которой он встречался, то упоминание «тайной комнаты» и не имевшего доступа в нее «его величества», сразу же сильно сужало круг поиска...

Я обмакнул ручку с «гусиным пером» в стоявшую на столе чернильницу, успев при этом подумать, как трогательно пользоваться пишущим прибором, которым наверняка писал свои стихи мой дед, сделал несколько пометок на дарованном мне листке бумаги – и тут вспомнил то, что должен был вспомнить сразу же, как только начал заниматься всей этой историей. Еще в студенческие годы в одной из книг о семействе Борджиа я прочитал о том, как его глава планировал женить своего «старшенького», Чезаре на дочери неаполитанского короля Шарлотте Арагонской. План этот тогда сорвала сама «невеста» своим категорическим отказом.

Так-так-так-так-так!.. От предчувствия того, что до очередного важного открытия мне остается сделать всего полшага, у меня сладко засосало под ложечкой. Женщина, рыдавшая на могиле Родриго, «одетая простолюдинкой, но похожая на благородную», несостоявшаяся невеста Чезаре Борджиа, «интересующая вас дама», явно имевшая отношение к «его величеству», месье, которую мог осуществить только человек очень высокого статуса и эпитафия на могильном камне, в качестве тайного призыва к ней... Все это и в таком количестве – явный перебор для того, чтобы быть просто совпадением! Можно считать почти доказанным, что все эти факты относятся к одному и тому же человеку. Впрочем, это не трудно будет подтвердить, но – потом... Пока же, принимаем это как рабочую гипотезу, имеющую очень высокую вероятность.

Неудержимо захотелось двигаться – выпустить рвущиеся наружу эмоции. Но все, что я мог себе позволить, находясь в Ватиканском апостольском архиве в 1913-м году, чтобы не быть изгнанным из него, – это, не поднимаясь со стула, сделать несколько махов руками. Впрочем, даже это вызвало крайнее удивление нескольких иконоподобных старцев, сидевших по соседству.

Я откинулся на спинку стула (неудобные сиденья у католических святых отцов, это уже традиция, что в церквях, что в архиве – спинки у них устроены строго под прямым углом к сидениям, не забалуешь!) и постарался продолжить применять законы формальной логики.

О Шарлотте информации сохранилось совсем мало, из того, что я помню – только то, что через год после смерти своего возлюбленного она-таки вышла замуж за какого-то французского не то графа, не то герцога и умерла в 26 лет. Из-за дипломатических и военных неудач своего отца, она осталась без наследства и жила при дворе французского короля Людовика XII... Хм, известная ситуация, именуемая в народе «золотая клетка».

Так что, его величество, не имевший доступа в тайную комнату, о котором говорилось в письме таинственного корреспондента Джулиано Делла Ровере, – это, скорее всего, и был Людовик XII.

Впрочем, – да, девушка не была богата, но принимая во внимание ее «статусность», даже без наследства наверняка была в состоянии жить самостоятельно. Как говорится, «на скромную жизнь хватит»...

Вот, кажется, мы и подошли к разгадке эпитафии на камне, вернее, к причине такого странного ее применения – вся корреспонденция Шарлотты наверняка сначала попадала в руки Людовика, и она об этом, конечно, знала....

М-да, бедный ребенок!

Впрочем, шпики и сексоты на службе у властителей и владык – явление вполне заурядное, что тогда, что теперь.

Среди переписки Делла Ровере оказалось еще несколько коротких сообщений этого же корреспондента, записок, буквально в несколько слов, которые не привлекли моего внимания. И, как оказалось позже, зря...

Вскоре я обнаружил кое-что поинтереснее. Это было короткое письмо, написанное самим кардиналом Делла Ровере, видимо, своему «коллеге», тоже священнику и тоже наверняка не низкого сана.

«Приветствую брата во Христе! Рим полнится слухами о преобразованиях, творимых тобою в Сан-Марко и во всей Флоренции, и с радостью приветствует их – вот пример настоящего реформаторства против того, что пытаются насадить у нас шарлатаны от церкви. Не поддаваясь ни на лесть, ни на подкуп, ты достойно продолжаешь свое дело, а потому постигшие тебя репрессии можешь принимать, как бессильную злобу недругов, которая для человека достойного является только наградой.

Тебе известно наверняка, что твои недруги и мне тоже не братья. К несчастью, я нахожусь к ним гораздо ближе, чем ты и ты наверняка знаешь, что пришлось мне претерпеть за последние пять лет, да и нынче несчастья мои продолжаются, как и твои – умиротворение между нами только кажущееся и похоже на вынужденное перемирие непримиримых врагов.

Часто вспоминаю наши беседы с тобой, милый брат, и надеюсь, что удастся еще нам поговорить, тем более, сейчас есть о чем. Человек, который передаст тебе это письмо, добавит к нему кое-что еще на словах – это наш друг, можешь доверять ему, как мне.

Прощай, брат, и пусть нам сопутствует удача, как она сопутствует тебе во всех твоих начинаниях!

Я подумал, что это уже не просто горячо – жарко! Кто же этот таинственный адресат, к которому кардинал не может обратиться по имени и вынужден писать одними намеками,

даже передавая письмо «с оказией», через «нашего друга», которому призывает доверять как себе?

Флоренция... Сан-Марко... Реформы... Репрессии... Пожалуй, Де Ровере был прав: если этих «ключевых слов» оказалось достаточно для меня, чтобы идентифицировать адресата письма, для их общего недруга, о котором он, тоже надо полагать, в целях конспирации, пишет во множественном числе, их бы тем более хватило. Впрочем, кара – не бога, но его наместника на земле – и так настигла его менее чем через год...

Письмо, которое я не поленился переписать – кто знает, может, пригодится? – заполнило все остававшееся свободным место на выданном мне листочке. Но гора не просмотренных документов все еще оставалась внушительной, а день выдался таким удачным, что вполне вероятно, найдется еще что-то интересненькое... Во внутреннем кармане пиджака лежали сложенные вчетверо «Правила посещения Ватиканского апостольского архива», которые мне выдали на входе. Я решил, что в случае необходимости использую обратную сторону этого листка – и необходимость в нем действительно возникла, поскольку в архиве мне пришлось задержаться гораздо дольше, чем я планировал...

Оскаленная пасть Барбароссы навела меня на мысль, что название «семейство кошачьих» применительно к крупным хищникам, в корне не верно – это котов надо было назвать семейством тигровых или львиных. Кот встретил меня возмущенным рычанием, а когда я в качестве жеста примирения решил его погладить, даже попытался укусить.

– Не злись, Барби, – сказал я, – я тоже весь день ничего не ел, но эта наша с тобой жертва оказалась не напрасной, сейчас сам убедишься... Нет-нет, конечно, только после обеда.

Под умиротворенное мурлыканье кота, совершавшего послеобеденный ритуал умывания, я делился с ним своими находками. Письмо Джулиано Делла Ровере вызвало у него особый интерес, он даже прекратил вылизывать себя и замер в ожидании моих комментариев.

– Вот видишь! А что я говорил? – наставительно произнес я. – Адресата письма, Барби, установить не трудно, в его тексте достаточно очень прозрачных подсказок. Я уверен, что речь в нем идет о Джироламо Савонароле, знаменитом проповеднике, настоятеле монастыря Сан-Марко и фактическом правителе Флоренции в последние годы пятнадцатого века.

– Интереснейшая личность! – добавил я, отвечая на явно требовавший продолжения взгляд Барбароссы. – Монастырь Сан-Марко, во главе которого он стоял, он превратил, по сути, в казарму, а всю Флоренцию – в монастырь. Его проповеди, в которых он обличал многочисленные пороки флорентийцев и призывал их жить в соответствии с божьими заповедями, собирали тысячи слушателей. В конце концов, популярность его выросла настолько, что горожане изгнали из города его правителя, Пьеро Медичи и избрали Савонаролу вместо него. Он призывал следовать апостольской скромности – и женщины, отправляясь в церковь, перестали надевать украшения. Он призывал художников писать картины только на религиозные сюжеты, устраивал «костры тщеславия» на главной площади города, на которых сжигались все предметы роскоши – и находились художники, которые сами бросали в огонь свои работы...

Кот слушал, склонив голову набок, и даже забыв закрыть рот после очередного удивленного «мяу».

– Да, Барби, – начал подытоживать я, – Флоренция до Савонаролы была самым веселым городом в Италии, городом карнавалов и искусств. И все это флорентийцы променяли – совершенно добровольно! – на жизнь в унылой богадельне... Замечательный феномен в истории!

Барбаросса, который под впечатлением услышанного давно сменил гнев на милость, одобрительно коснулся лапой моей щеки.

– Между прочим, – сказал я, возвращаясь к теме нашего расследования, Савонарола и один из наших с тобой «клиентов» – папа Александр VI – были злейшими врагами. Ведь этот проповедник обличал католическую церковь, а значит, и ее главу, в разврате и коррупции,

призывал к ее очищению. Папа пытался было, как это принято по доброй традиции, подкупить его – предлагал кардинальскую шапку, а когда тот «гордо отказался», перешел к репрессиям. Сначала запретил проповедовать, потом отлучил от церкви, и в конце—концов, казнил. Именно на его противостояние с понтификом, судя по всему, и намекает Делла Ровере в своем письме. Так что, в лице Савонаролы кардинал нашел надежного союзника в своей борьбе против папы. И, пожалуй, мы можем уже констатировать, что тот образ дьявола во плоти, который сохранился в истории о папе Александре VI, во многом был создан стараниями этой парочки. Да, но при чем здесь убийство его сына? Кажется, все, что я накопал в архиве, нисколько не приближает нас к его раскрытию. Или все-таки, приближает?..

Классические детективы учат, что начинать поиск убийцы нужно с ответа на вопрос «кому выгодно»? В случае со смертью Родриго ответ вроде бы очевиден – убийство было выгодно его отцу, папе Александру VI – Родриго мешал его планам женить старшего сына, Чезаре на Шарлотте.

В этот момент Барбаросса, сидевший у меня на коленях, громко мяукнул – то ли вопросительно, то ли возмущенно.

«Хм, – подумал я, – а ведь правда, откуда мы знаем, что Родриго Борджиа—старший знал о связи Родриго Борджиа—младшего и Шарлотты? Впрочем...

– Да, Барби, – сказал я после некоторого размышления, – папа мог знать об их связи и даже наверняка знал о ней. А для чего же еще, ты думаешь, Делла Ровере организовал слежку за ними? Помнишь, мы с тобой говорили о слухах и о том, что они распускаются конкретными людьми, имеющими конкретные цели? Слухи – самый надежный способ передачи информации в тех случаях, когда необходимо скрыть ее источник.

Мог ли папа Александр VI убить собственного сына? Теоретически – да, примеры в истории есть. Но у этой версии есть серьезные недостатки. Прямо перед носом кота я начинаю загибать пальцы.

– Во-первых, папа любил всех своих родственников, заботился о них, всех старался пристроить. А тут не просто родственник – сын. Во-вторых, папа, конечно, был большим бабником, но именно благодаря этому, хорошо знал женскую психологию, да и вообще был человеком очень неглупым и деловым. Он должен был понимать, что убийство не решит проблему – потеряв любимого, Шарлотта все равно, не пойдет за нелюбимого. Даже – тем более не пойдет. Наконец, в-третьих. Если убийца – действительно папа, то он должен был понимать, что эпитафия на могиле компрометирует его. Однако, он не только ничего не сделал с надписью на камне, но и, как мы теперь знаем, заплатил «премиальные» каменотесу.

«Что-то мне мешает поверить в эту латынь», Барби, как говорил классик, – резюмирую я. Хотя, пятьсот лет назад кое-кому, кажется, очень хотелось, чтобы мы с тобой – и не только мы – в нее поверили. Да и повод для убийства, тем более, собственного сына, честно говоря, – я скорчил скептическую гримасу и кот, приняв ее на свой счет, возмущенно крикнул – слабоват. Женитьба Чезаре на дочери неаполитанского короля была для папы желательна, но не была вопросом первостепенной государственной важности. Так, приятный бонус. Из-за этого собственных детей не убивают. Так что, вопрос о мотиве убийства остается открытым...

Неожиданно кот встает у меня на коленях на все четыре лапы, поднимает голову и издает долгий, однотонный звук – как собака, воющая на луну. Сначала это приводит меня в замешательство, но затем мне кажется, что я понимаю, что он имеет в виду.

– Ты хочешь спросить, почему именно Родриго, а не сам папа? – догадываюсь я. Да, это тоже хороший вопрос. И если у тех, кто задумывал это убийство, действительно были причины убивать кого-то из детей, а не его самого, то почему именно Родриго? Ведь были Чезаре, Лукреция – они играли значительно большую роль в папиных делах и в его политике. Почему выбран был самый непричастный и безобидный из его детей?

Кот снова проводит мягкой лапой по моей щеке – видно, хвалит за догадливость и логику. И тут я вспоминаю еще про одно открытие, сделанное мной в архиве – на этот раз их было так много, что забыть о некоторых было вполне простительно. Я поднимаю вверх указательный палец, напуская интриги, и с заговорщицким видом произношу:

– Впрочем, Барби, это еще не все!

Глава V

– Никогда я не видел отца таким злым, как в нашу последнюю встречу!

Затягивая пояс жакета, Родриго продолжил прерванный разговор. Шарлотта подошла к нему и повернулась спиной:

– Я отпустила прислугу, тебе придется поработать за нее.

Он стал застегивать крючки на ее платье, медленно двигаясь снизу вверх.

– Из-за меня? – спросила она, не поворачивая головы.

– Нет, из-за меня... Из-за нас... В общем, он считает, что только наши с тобой отношения мешают твоему браку с Чезаре. А этот брак ему очень нужен. Я не знаю, зачем, но нужен. Он сам об этом сказал.

– Постой, а откуда он знает о... О нас с тобой?

– Я не знаю, откуда, но об этом уже знает весь Рим.

– Ну, зачем – об этом можно догадываться, – задумчиво произнесла она после паузы. Так он зол именно на тебя? За что?

Родриго не ответил, но громко засопел у нее за спиной. Шарлотта стремительно повернулась к нему:

– Он требует от тебя прекратить нашу... наши отношения? Он требует, чтобы именно ты их прекратил?

Родриго кивнул.

– А ты отказываешься?

– Угу...

– А он говорит, что ты – не мужчина, раз не хочешь разорвать отношения с женщиной, если этого требует дело, так?

– Да, именно... – тихо пробормотал он. – Почти дословно так... Но откуда ты знаешь?

Шарлотта грустно усмехнулась:

– Это было не трудно. Я просто хорошо знаю людей такого склада, как твой отец. Ведь и меня окружают именно такие люди. Наверное, другие и не приходят к власти...

– Мне кажется, – сказал Родриго, когда Шарлотта предоставила ему возможность продолжить приводить в порядок ее туалет, – у него есть какой-то большой замысел, и твоя свадьба с Чезаре – только часть этого замысла. Но именно эта часть осталась единственным препятствием для его осуществления. Он даже помирился с кардиналом Делла Ровере...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.